

Узнав, что Шэнь Юйхэн вывихнул лодыжку, дворцовые слуги дворца Цинчжо впали в настоящую панику.

Супруг Шэнь был благородного происхождения, рожденный с конституцией «золотой ветви и нефритового листа», и в настоящее время пользовался глубокой благосклонностью Императора. Для человека, у которого обычно не было ни царапины, вывих лодыжки означал, что все буквально стояли на ушах, обращаясь с ним как с хрупкой фарфоровой куклой.

Юньдоу и Цзяобай суетились больше всех, безумно бегая взад-вперед, чтобы нанести лекарство и сделать холодные компрессы.

К несчастью, «на заживление сломанной кости или растянутого сухожилия уходит сто дней». После того как лекарь Сюй провел осмотр, он сообщил служащим:

— У супруга Шэня слабое телосложение. Даже при ежедневном приеме лекарств ему необходимо отдыхать не менее двух месяцев до полного выздоровления... Если супруг испытывает сильный дискомфорт, его табличку с именем следует временно убрать из списка.

Удаление таблички означало, что его больше не смогут призвать на ночь.

Юньдоу то и дело вздыхал:

— Супруг Шэнь только-только обрел милость, как такое могло случиться...

Цзяобай подошла, чтобы утешить его:

— Не печальтесь, супруг. Мы будем часто делать вам массаж; вы наверняка быстро поправитесь.

Шэнь Юйхэн: «...»

Кто-нибудь вообще знает, как тяжело сдерживать смех?

Впервые он по-настоящему полюбил слабое тело оригинального владельца. Если бы он знал, что простого вывиха лодыжки достаточно, чтобы его табличку убрали, он бы сделал это давным-давно!

Но... говорят, что «беда не приходит одна». Шэнь Юйхэн уже дважды избежал постели. Неужели в третий раз все пройдет так же гладко? Он содрогнулся, не смея задумываться об этом слишком глубоко.

То, что он спасся во вторую ночь, уже превзошло все его ожидания. Вчера, когда он сказал, что ему «страшно», он думал, что Сяо Хуай придет в ярость, но Император действительно отпустил его. Честно говоря, способность Сяо Хуая останавливаться, когда ему говорят «нет», была лучше, чем у многих современных мужчин.

Жаль только, что он был не во вкусе Шэнь Юйхэна. Во-первых, разница в возрасте была слишком велика. Во-вторых, у Сяо Хуая был целый гарем из мужчин и женщин. Будучи душой из современного мира, Шэнь Юйхэн терпеть не мог идею «один муж — много жен», даже если древние считали это нормальным.

В последующие дни Император не переворачивал ничьих табличек. Вместо этого он распорядился организовать похороны Шестнадцатого принца. Поскольку принц умер внезапно,

а убийца так и не был пойман, императорская семья оказалась в неловком положении, и похороны были проведены весьма поспешно.

Сяо Хуай лично приказал освободить Шэнь Юйхэна от участия в ритуалах, позволив ему отдыхать во дворце Цинчжо и не носить траурные белые одежды, как остальные.

Шэнь Юйхэн кое-что вспомнил и остановил Чжоу Юаня. Он протянул ему увесистый мешочек с серебром:

— Найди несколько молодых евнухов, чтобы они присмотрели за служителем Су. Позаботься о том, чтобы над ним не издевались во время похорон.

В оригинальной книге убийство Шестнадцатого принца должно было произойти двумя месяцами позже, когда Су Чэн и Сяо Цзинь уже провели бы вместе два месяца. Хотя Сяо Цзинь никогда не испытывал привязанности к Су Чэну, он все равно вступился за него, когда другие мужчины-наложники издевались над ним на похоронах.

Теперь же, без помощи Сяо Цзиня, Су Чэн мог просто молча сносить издевательства. Шэнь Юйхэн не мог допустить, чтобы с Су Чэном что-то случилось до того, как он встретит Сяо Цзиня.

Шэнь Юйхэн посмотрел на небо:

— Чувствую себя так, будто шипперю какую-то непопулярную крэк-пару. Чтобы свести их, мне нужно сначала найти способ заставить их встретиться...

Система поперхнулась:

□Хозяин, между нами нет вражды, зачем же вы бередите мои старые раны... кто из нас не шипперил нишевые пейринги...□

Пока Шэнь Юйхэн предавался размышлениям, вернулся Чжоу Юань с нерешительным видом:

— Господин, сегодня утром господин Мэн прислал еще несколько писем...

Шэнь Юйхэн почти забыл, что у оригинального владельца был бывший. Похоже, первоначального владельца бросили не окончательно; этот бывший все еще цеплялся за него даже после расставания.

Однако положение Шэнь Юйхэна было щекотливым. Он не мог поддерживать никаких связей с Мэн Цянем. Мэн Цянь был могущественным чиновником и членом фракции Второго принца. На фоне обостряющейся борьбы за трон Шэнь Юйхэн не мог позволить себе навлечь беду на семью Шэнь.

Чжоу Юань добавил:

— Господин, господин Мэн сказал, что если вы не прочтете его письма, ни одна таверна в столице больше не пустит на порог Шэнь Тинланя.

Шэнь Тинлань был вторым братом Шэнь Юйхэна. Он занимал мелкую должность и обожал вино и публичные дома. Если бы ему пришлось выбирать между ними, он бы каждый раз выбирал вино. Отлучение от выпивки стало бы для него смертным приговором.

Оба брата Шэнь Юйхэна — один литератор, другой военный — были людьми грозными. Ему не

хотелось наживать врагов ни в лице того, ни другого. Он вздохнул:

— Оставь их. Я посмотрю, когда будет время. Передай ему, чтобы не создавал проблем моему второму брату.

А вот когда он действительно их прочтет... это уже другая история.

Во время выздоровления Шэнь Юйхэну не нужно было беспокоиться об Императоре. Его единственной задачей была забота о Сяо Цзине.

Но с этим мальчишкой было так трудно сладить. Если бы Шэнь Юйхэн не пригрозил ему словами «я пойду, закачу истерику и пожалуюсь твоему отцу», он бы даже тени Сяо Цзиня не увидел. Лихорадка у мальчика только-только спала, а он все время пропадал допоздна на холодном ветру; так он неминуемо заболел бы снова.

Что касается того, чем Сяо Цзинь занимался по ночам, Шэнь Юйхэн не смел даже думать об этом. У него было только одно требование к своему «сыну»: если это не убийство и не поджог, ему все равно.

Однажды ночью Шэнь Юйхэн ждал во дворце Цинчжо до тех пор, пока лунный свет не скрылся за облаками. Наконец он услышал скрип двери. Юноша мгновенно скользнул в комнату — движение было настолько легким, что обычный человек списал бы его на порыв ветра. Он принес с собой пронизывающий ночной холод и слабый металлический запах ржавчины.

— Ты вернулся?

Голос Шэнь Юйхэна звучал лениво и устало. Глаза Сяо Цзиня метнулись к фигуре на кровати, прежде чем он отвел взгляд, словно ужаленный.

Шэнь Юйхэн почувствовал досаду. Он ведь не порол и не издевался над мальчиком, как это делал оригинальный владелец, так почему же Сяо Цзинь все еще избегал его? Неужели он был настолько неприятен? Его гордость бывшего «Золотого воспитателя детского сада» была задета.

Сяо Цзинь молча направился к своей маленькой кушетке за занавесками.

— Подожди, — позвал его Шэнь Юйхэн. — У меня есть просьба к Девятому принцу. Не мог бы ты подойти поближе?

Его тон был мягким, словно он уговаривал ребенка. Фигура за занавеской замерла, а затем действительно подошла. Шэнь Юйхэн с облегчением выдохнул — похоже, «голос для уговоров» работал на людях всех возрастов.

Сяо Цзинь остановился у кровати. Его глаза были темными, как омут со стоячей водой. Шэнь Юйхэн почувствовал холодок и едва не пошел на попятную, но собрался с духом и приподнял подол своего одеяния.

Сяо Цзинь замер, резко отшатнувшись назад. Под лунно-белым шелком показался изгиб мужской голени — стройной, но мягкой. Его взгляд упал на этот изгиб, а затем резко метнулся в сторону.

Шэнь Юйхэн указал на свою лодыжку:

— Сегодня банкет, и слуги заняты. Помоги мне нанести мазь. — Он протянул баночку с мазью.

— Я не умею, — холодно ответил Сяо Цзинь.

— А что тут уметь? Я научу. Забирайся сюда.

Шэнь Юйхэн рассудил, что если Сяо Цзинь «случайно» применит слишком много силы и оставит его прикованным к постели еще на пару недель, будет только лучше. Если Император забудет о нем через несколько месяцев, он будет обеспечен на всю жизнь.

Сяо Цзинь сел на край кровати. Его рука, тяжелая как свинец, приподняла светлую, покрасневшую лодыжку Шэнь Юйхэна. Его пальцы погрузились в мягкую мазь, зачерпнув небольшую порцию бледно-золотистой субстанции.

— Ой! Полегче... — Шэнь Юйхэн издал приглушенный стон. Он знал, что Сяо Цзинь силен, но не ожидал, что он будет таким грубым. Он сжался под одеялом.

Но затем, вспомнив о своем плане, он вздохнул и посмотрел на Сяо Цзиня влажными глазами:

— Вообще-то... можешь не осторожничать. — Кратковременная боль лучше, чем длительная. Если я останусь травмированным, Император до меня не дотронется.

Пока Сяо Цзинь растирал мягкую голень, запах крови, который он только что смыл, казалось, снова всплыл в его сознании. Он заставил себя вспомнить жестокое и бесстыдное прошлое Шэнь Юйхэна, но его зрение заполняли эти влажные, умоляющие глаза.

Он не понимал, чего Шэнь Юйхэн от него хочет. Он знал лишь то, что желает стереть этого человека в порошок, смотреть, как он тонет в самой грязной грязи.

От этой мысли Сяо Цзиня затошнило, его тело загорелось странным гневом. Он встал, чтобы уйти, случайно опрокинув небольшой столик. Письма рассыпались по полу.

Он увидел их — письма от «господина Мэна». Вечно какой-то Мэн, или Император, или какой-нибудь другой мужчина. Взгляд Сяо Цзиня упал на заднюю часть шеи Шэнь Юйхэна; в мыслях он уже убил этого человека тысячу раз.

После минутного молчания Шэнь Юйхэн почувствовал странное ощущение на ноге. Руки мальчика — шершавые от заживших обморожений — поползли по его коже, как змеиная чешуя, сжимаясь всё крепче.

Шэнь Юйхэну стало не по себе, но рука не делала ничего «плохого». Она просто раз за разом втирала мазь в поврежденное место.

Спустя, казалось, целую вечность, все закончилось. Шэнь Юйхэн был измотан. Он оглянулся, но голова Сяо Цзиня была опущена, а выражение его лица невозможно было прочесть.

— ...Всё... закончилось? — спросил Шэнь Юйхэн с легким разочарованием в голосе.

Баночка с мазью с грохотом упала на пол и разлетелась вдребезги. Сяо Цзинь отступил назад, наступая на рассыпанные письма. Его глаза горели такой сильной ненавистью, что казалось, он в любой момент может задушить Шэнь Юйхэна.

Но в конце концов, именно Сяо Цзинь выбежал из комнаты.

Шэнь Юйхэн в замешательстве уставился ему вслед. Он потерял ногу. Она болела, но травма не стала ни лучше, ни хуже.

— Сплошные убытки, — пробормотал он. — Зря только терпел!

<http://bllate.org/book/17965/1726632>